

В.А. БЫКОВА

КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ВЛАСТИ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Отсутствие массовой уличной политики в России на протяжении последних 20 лет внезапно прорвалось «митинговым кварталом» декабря 2011 г. – мая 2012 г. Предваряя оценку этого явления, можно вспомнить, что подобные надежды в истории новой России вспыхивали и гасли уже не единожды. Рост общественного самосознания ждали в 1990-е (в начале десятилетия – в связи с растущими демократическими надеждами, в конце – как следствие экономического кризиса). Его приветствовали в середине «нулевых»: «Появление новых форм общественной самоорганизации в России начиная с 2005 года оказалось достаточно неожиданным в условиях нефтегазового изобилия и полной стабилизации политической жизни», – писала Татьяна Ворожейкина в 2008 г. в журнале «Pro&Contra» [Ворожейкина, 2008, с. 6]. После того как стихла волна протеста 2011–2012 г., массовые акции вдруг снова стали важным политическим фактом в 2014 г., проявившись сразу в двух противоположных тенденциях оценки ситуации на Украине: с одной стороны, в осуждении вмешательства в дела иностранного государства, с другой – в поддержке соотечественников.

Однако простое перечисление событий не создает эффективного инструментария их оценки. Остаются без ответа важные вопросы, такие, как: стоят ли за массовыми протестами демократические изменения в обществе; есть ли у них институциональный потенциал; и какими, вообще, могут быть реальные цели политического действия в современной России? В попытке ответить на эти вопросы мы тестируем концепцию коммуникативной демокра-

тии Юргена Хабермаса, связывающего поведение людей (в первую очередь – речевое) и нормативное содержание политической сферы, включая институциональные характеристики. Эмпирические данные, тестирующие наличие этих параметров, взяты с качественных исследований московских митингов 2011–2013 гг.

Для того чтобы показать перспективность использования в России концепции коммуникативной власти, мы вспомним максимально дискурсивно-нагруженное событие митингового квартала (московский лагерь «Оккупай Абай») и, сопоставив его с оценкой аналогичных событий в разных странах, покажем, что силовой разгон московского лагеря, хоть и был экстремальным сценарием, не являлся уникальным и сам по себе не может служить причиной оценки российской политической сферы как неразвитой. Далее мы остановимся на концепции коммуникативной власти Юргена Хабермаса, показав, как можно приложить его теорию к противоречивым реалиям современного демократического общества, включающего противоборство интересов демократической политики, административной (государственной) власти, привилегированных сословий и пр. Наконец, операционализация этой теоретической модели позволит нам выделить параметры общества, ориентированного на диалог в политической сфере, пригодные для сопоставления с данными, характеризующими российских активистов, участников массового политического процесса.

«Оккупай Абай» и мировое движение «Оккупай» – 2011

Исходный вопрос при анализе природы подъема оппозиционного движения в России может заключаться в следующем: есть ли специфика у развитых форм российской протестной активности, которой можно объяснить то, что они носили единовременный характер и не стали воспроизводящейся моделью политического поведения? В острой форме вопрос можно поставить так: российское протестное движение уходит под давлением режима и общественного равнодушия или же у него есть потенциал, в том числе – широкой общественной поддержки?

Пиком российского протеста, его наибольшим приближением по целям и формам работы к мировым образцам, характеризующим развитые демократии, называют российский «Оккупай» – «Ок-

купай Абай». Действительно, по ряду характеристик российский палаточный лагерь оппозиции может считаться выражающим мировой тренд середины – конца 2011 г. Впрочем, были и различия. Российское движение «Оккупай» возникло, когда мировое движение в активной форме было уже прекращено, а также несмотря на то, что конкретные мишени для недовольства определялись местной политикой в большей мере, чем экономикой [Быкова, 2013].

Движение оппозиционных лагерей протеста «Оккупай» было заметным событием в глобальной политике 2011 г., возникая в разных странах¹. Тактика разворачивания уличных лагерей для демонстрации протеста из США в сентябре 2011 г. была перенята активистами как в Европе, так и в Азии. Хронологически в большинстве стран, где происходили акции «Оккупай», они состоялись с середины сентября до конца 2011 г. Судьба движения в активной фазе сложилась примерно одинаково: лагеря протестующих были удалены с тех мест, которые самовольно занимали, постановлениями соответствующих органов власти при участии сил правопорядка. Наблюдатели событий «Оккупая» в разных странах отмечали, что массовый характер движения определен не одними только текущими проблемами.

Цели «Оккупай» были связаны с идеями смягчения экономического неравенства, необходимости новой политики для преодоления экономических проблем. Однако не менее важной частью движения идеологи и исследователи называли антипрезентационную стратегию, проявлявшуюся в соответствующей риторике [Deseriis, Dean, 2012]. Движение позиционировалось блоком, объединяющим в себе людей из совершенно разных слоев общества, его разных расовых, культурных, религиозных и социально-экономических подгрупп. Широкую известность приобрел лозунг «Нас 99%», возникший среди активистов «Оккупай» Уолл-стрит² и

¹ Английская «Guardian» через год после начала протестного движения опубликовала впечатляющую карту, показывающую распространение лагерей «Окупай» более чем в 70 странах мира [The Occupy map of the world, 2012]. Карта была основана на материалах открытого ресурса активистов движения «Окупай» (<http://directory.occupy.net/>), который к настоящему моменту насчитывает данные о 1518 лагерей, имевших место по всему миру.

² Американский журналист, исследователь, профессор Дартмутского колледжа Джеф Шарлет приписывает этот лозунг британскому антропологу, профессору Йельского университета и Лондонской школы экономики Дэвиду Греберу,

распространившийся повсеместно; он трактовался исследователями как обозначение существующего внутри движения социально-политического единства, самоопределяющегося в качестве оппозиции одному проценту [Deseris, Dean, 2012].

Лозунг «Нас 99%» и отсутствие списка требований на первом этапе стимулировали проявления политического участия у различных групп, что позволило расширить социальную базу движения. Кроме того, есть примеры, показывающие, что в период существования лагерей движение пользовалось поддержкой со стороны местных органов власти [Wilson, 2011], со стороны бизнес-сообщества также высказывались мнения о роли движения в том, чтобы взглянуть на политику по-новому [Kirkup, 2012]. В то же время частым завершением истории оппозиционных лагерей стал их силовой разгон властями.

Джеймс Миллер, профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), считает моделью протестного действия «Оккупая» так называемую демократию участия [Miller, 2011] с ее ценностями группового принятия решений, т.е. не через выборных представителей, а через обсуждение и достижение консенсуса. В качестве прошлых примеров реализации демократии участия Миллер говорит о протестах «новых левых» в 1960-х и массовых волнениях в 1968-м, также нацеленных на переформатирование политики. Пределы эффективности этого движения показала попытка расширения своих принципов на большие группы людей и широкий круг вопросов. Реализация принципов демократии участия потребовала больше временных, материальных ресурсов и персонального включения в сравнении с традиционными (партийным представительством, лоббизмом и даже митинговой активностью), что привело к сворачиванию этих движений. Движение «Оккупай» 2011 г. так же, как и левые активисты 1968 г., ставило целью привлечение внимания к необходимости политической коммуникации, как бы сигнализируя о новой волне «спроса на консенсус».

который сам является одним из активистов движения, анархистом по политическим взглядам, – см. об этом статью, опубликованную в разделе политики журнала «The Rolling Stones» 24 ноября 2011 г. [Sharlet, 2011]. Сама же фраза восходит к полемической статье американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, в 2011 г. писавшего о том, что хотя 1% американцев владеют более чем 40% ВВП, их жизнь зависит от того, как живут остальные 99% населения страны [Stiglitz, 2011].

Подобная критика не редкость. Джон Паркинсон (кстати, еще до начала «цветных революций» и «оккупаев», в 2006 г.) отмечал ограниченность возможностей совещательного форума в качестве метода принятия решений: в современных условиях он становится слишком затратным инструментом для повседневного использования [Parkinson, 2006]. Разве не о том же говорит и угасание лагерей «Оккупай» по всему миру? После снятия пикового дефицита на политическую коммуникацию происходит возвращение к традиционным формам политического участия, если те показывают эффективность. Решив актуальные вопросы, митингующие возвращаются в русло конвенциональной политики.

Начав с признания факта, что во всем мире заметные и зрелые проявления политической коммуникации как выражения гражданской активности являются ситуационными, мы можем снизить идейный пафос дискуссии и идти дальше констатации того, что митинговое начало не стало платформой для стабильного процесса гражданского вмешательства в отечественную политику. Учитывая возможности рассматривать «Оккупай Абай» как часть мировой тенденции, мы не можем не задаться вопросом, смогло ли протестное движение оставить результаты, достаточные для того, чтобы говорить о его влиянии на политический процесс нашей страны в настоящем и будущем. Но также мы можем поставить и более общий исследовательский вопрос о том, наличествует ли в России общая среда для политической коммуникации, которая могла бы сделать ее ситуационные проявления ярче. Именно с этим связаны наши шансы на появление в будущем стабильных форм демократического процесса.

Фактические свидетельства «за» и «против» каждого из вариантов привести несложно. Так, в июне 2013 г. начало суда над организаторами и участниками беспорядков мая 2012 г. после завершения расследования по «Болотному делу» не вызвало массовой реакции, и накануне суда в одиночные пикеты в Москве вышли не более 30–40 человек¹. Напротив, оглашение вердикта суда, с тюремным приговором восьми активистам, получило более широкий резонанс: на Манежную площадь пришли около 500 человек, 426 из них, по данным ОВД-Инфо Москвы, были задержаны; еще

¹ Пикеты проходили 5 июня 2013 г. на центральных улицах города. Организаторы заявляли 129 мест пикетирования, на деле на пикеты вышло на порядок меньше людей [Одиночные пикеты, 2013]

около 200 человек были задержаны перед зданием Замоскворецкого суда Москвы, где проходило заседание; большинство задержанных были отпущены в тот же день, кроме лидеров протеста, которые провели ночь в полиции [В ходе акции, 2014].

Однако для составления прогнозов важнее аргументация, основанная на размышлении дедуктивного толка, отталкивающаяся от взгляда, охватывающего некую общую картину. Несомненно, что именно наличие реального спроса на политическую коммуникацию является исходным требованием для ее возникновения в политическом пространстве. Пока эмпирические данные свидетельствуют о том, что сформировавшееся к настоящему большинство в России разделяет иные ценности¹. В связи с этим интересный исследовательский вопрос может быть поставлен так: существует ли в России некий, хотя бы латентный, спрос на то, чтобы политическое действие основывалось на принципах диалога и консенсуса, достигаемого через коммуникацию общества и государства?

Коммуникативная рациональность Юргена Хабермаса

В качестве ключа к разгадке смысла деятельности участников протестного российского движения мы предлагаем протестировать концепцию политического действия как коммуникативного, предложенную Юргеном Хабермасом. Идеи этого мыслителя, которые он развивает на протяжении десятков лет, и сейчас не утратили актуальности и остаются источником плодотворных дискуссий в научном сообществе. Так, к 50-летию первого появления в печати книги «Структурные изменения общественности» (1962, выдержала более 20 изданий), основанной на докторской диссертации Хабермаса, журнал «Политическая теория» выпустил тематический номер, содержание которого составили статьи, развивающие те или иные идеи философа или показывающие их значение для современности [Political theory, 2012]. За это время ученый опубликовал более 30 крупных работ, стал обладателем двух десятков престижных научных и общественных премий – что позволяет по достоинству оценить его роль в философском и социально-политическом пространстве. При этом ре-

¹ К такому заключению, к примеру, приходят сотрудники Центра политического анализа при поддержке ИТАР-ТАСС [Новое путинское большинство, 2014].

цепция его наследия на постсоветском пространстве крайне неравномерна. Так, А.Б. Беляев в 2001 г. диагностирует крайнюю скудность отечественных дискуссий [Беляев, 2001]. Ключевые политические работы творчества разных периодов ученого начали появляться в русскоязычной гуманитарной науке только в XXI в. [Хабермас, 1992; 2000; 2001; 2003; 2005; 2008; 2010; 2011; 2012].

Между тем бельгийский философ левого толка Шанталь Муфф, в частности, прямо называет ученого родоначальником одной из двух актуальных ключевых линий, по которым идут дискуссии о справедливости в современной демократии, со всеми сложностями и разнообразием эпохи посткапитализма¹. Возможно, некоторое расхождение русскоязычной среды и дискурса Хабермаса, ставшее источником его относительно позднего «открытия», можно связать с тем, что творчество мыслителя преимущественно сконцентрировано вокруг обсуждения проблем справедливости внутри демократического государства, в то время как в центре отечественной гуманитарной дискуссии стояли вопросы свободы индивида, помещенного в авторитарный политический контекст.

Признание важного вклада Хабермаса в осмысление современной демократии, вкупе с некоторым недостатком российской дискуссии вокруг идей ученого, делает необходимым некоторое предварительное описание основных положений его концепции коммуникативного действия, относящихся к нашему предмету. Помимо эпистемологического значения, такое описание позволит нам четче понять, как можно связать речевые практики и стратегии действия в политике, выводя, тем самым, это действие из узкого инструментального коридора.

Собственно, выделение помимо инструментального типа действия (ситуативного) еще и других и стало одной из «визитных карточек» Хабермаса. К разработке этой темы мыслитель подошел еще в 1960-е. Опираясь на наследие Макса Вебера, он выделил два типа человеческих действий: инструментальное и коммуникативное [Хабермас, 2000]. Первое воплощается в сфере труда и упорядочивается согласно правилам, основанным на эмпирическом знании. При этом реализуются определенные цели, в соответствии с

¹ Родоначальник второй линии – Джон Роулз, его понимание справедливости носит моральный характер, в отличие от процессуального подхода Хабермаса. Подробнее сравнение двух подходов см.: [Муфф, 2004].

критериями эффективности и при ориентации на успех. Коммуникативное же действие, напротив – это такое взаимодействие индивидов, которое упорядочивается обоюдно принимаемыми нормами и ориентировано на взаимопонимание и консенсус. В этом случае речь идет о взаимопонимании и убеждении, координации усилий людей, не детерминированной внешними параметрами успеха.

При инструментальном действии успешность измеряется степенью удовлетворения интересов каждого из участников взаимодействия; это действие, направленное на реализацию личных интересов, увеличение собственного благополучия. Во втором случае важен не только результат, но и сам процесс коммуникации – та работа по интерпретации, в ходе которой достигается согласие участников действия относительно ситуации и ее последствий. Успех коммуникативного действия определяется не только достижением цели – необходимо учитывать совместное истолкование ситуации и рационально мотивированное одобрение содержания действия – как факторы, влияющие на оценку его результатов [Хабермас, 2000, с. 199–201]. Таким образом, для коммуникативного действия важность приобретает, помимо инструментальных, прагматических критериев, еще и социальный контекст действия.

Признание важности социального контекста действия можно считать шагом в направлении дальнейшего развития концепции Хабермаса, который уже в 1970-е годы добавляет к своей теории общества, структуралистской по сути¹, понятие жизненного мира, который становится важен, когда речь идет не об общих сферах жизни (политической, экономической, социальной), а о жизни конкретных индивидуумов. В эпоху позднего капитализма, по мнению Хабермаса, это является необходимым замещением структурных противоречий, значимость которых для объяснения социальных и политических процессов снижается.

¹ В ранние годы творчества Хабермас является учеником лидеров неомарксистской Франкфуртской школы, и теория общества, которой он придерживается, носит структуралистский характер. Позднее он дополняет ее новыми элементами. В частности, о необходимости изучения, наравне с традиционными структурами (институтами) общества, и жизненного мира людей он рассуждает в работе 1973 г. «Проблема легитимации позднего капитализма», переведенной на русский в 2010 г. [Хабермас, 2010].

Дальнейшая разработка идеи разных типов действия проводится Хабермасом в соотношении их с типами рациональности. Помимо коммуникативного, это стратегическое действие (инструментальное как его часть), норморегулирующее и экспрессивное (или драматургическое). Понятие жизненного мира важно постольку, поскольку именно он формирует контекст коммуникативного действия, делая возможным появление общих интерпретаций, необходимых для достижения консенсуса.

Можно отметить, что методологически такое понимание публичной сферы как пространства, где происходит появление и обсуждение общественного интереса и политики как общего интереса, Хабермас воспринимает у Ханны Арендт. Оно противостоит веберовскому пониманию политики, в котором главную роль занимает борьба за власть [Guenther, 1998, p. 235]. Собственную модель политики он называет коммуникативной, делиберативной, или совещательной, демократией. В связи с этим в дальнейшем Хабермас развивает идею двух типов институтов. В дополнение к традиционным общественным институтам, обладающим административной или экономической легитимностью, появляются новые институты, порожденные общественным суверенитетом. Они более слабы, чем традиционные, но являются необходимым элементом современности, поэтому и в контексте нашего разговора они заслуживают некоторого описания.

Итак, Хабермас различает власть, генерируемую в коммуникациях, и власть, занимаемую по должности. «В целом мы можем интерпретировать идею правового государства как требование к административной системе, управляемой через властные коды, быть связанной с законотворческой коммуникативной властью и свободной от незаконных вмешательств социальной власти (т.е. фактического стремления групп интересов самоутвердиться)» [Habermas, 1996, p. 150]. Таким образом, осуществление государственной власти как административной является легитимным только тогда, когда связано с дискурсивно генерируемой коммуникативной властью. Связь обеспечивается законодательной властью – что определяет ее важнейшую роль для общества и государства.

Последнее утверждение требует некоторого разъяснения и адаптации к реальному процессу законотворчества и политики, чтобы избежать упреков в его нормативизме. «Закон может обрести легитимность, только обретая поддержку граждан в процессе обсуж-

дения, текущем в узаконенных рамках» [Habermas, 1996, p. 110]. Как межличностная коммуникация основана на наличии общих норм у договаривающихся, так и принципы демократии основаны на легитимности норм законов. Хабермас полагает, что такая коммуникация не может быть только этически нагруженной, и для нее важны не только моральные резоны, но и такие, которые он называет прагматическими и политико-этическими. Чтобы говорить о всем комплексе задач политики, он переводит фокус своего рассмотрения с моральных вопросов, которые занимали его в более ранний период, к сложному переплетению различных дискурсивных практик и процесса политического торга [Flynn, 2004, p. 436].

Демократические принципы не нуждаются в какой-то особой форме аргументации. Выдвигая этот тезис, Хабермас представляет так называемую процедурную модель совещательной демократии, не связанную с содержанием (прагматическим или этическим) ведущихся дискуссий. Анализируя эту модель, Джеффри Флинн отличает ее от двух других ключевых моделей политического (и политико-теоретического) дискурса: либеральной и республиканской. Для либеральной характерно описание политического процесса как конфликта интересов, который может быть решен только компромиссом или агрегированием интересов посредством голосования. «Республиканское возрождение» последних лет в политической теории более склонно признавать совещательную, диалогическую политику в ключе традиций самоуправления. С этой позиции осуществление политического действия выходит за рамки личных корыстных интересов человека; это «общественное использование разума», нацеленное на то, чтобы и общественное обсуждение, и легитимация политических решений были более рациональными [Flynn, 2004, p. 437].

Хабермасова идея процедурной рациональности показывает возможность другого взгляда на политику. Она в некотором смысле «техническая», подобно либеральной, но ее прагматика несколько другого толка; она также не связана столь жестко моральными обязательствами, подобно республиканской модели. Практический разум, с позиций зрелого учения Хабермаса, пребывает не в этическом содержании жизни того или иного сообщества, но в используемых речевых правилах и нормах аргументации, легитимность которых базируется на том, насколько они ведут к действиям, ориентированным на понимание [Habermas, 1996, p. 296–297]. Этическое содержание речи как основа для ее оценки, таким образом,

дополняется имеющимися в ней процедурными возможностями взаимопонимания, в том числе по поводу практических предметов, являющихся для «прагматического разума» предметом торга. По словам немецкого исследователя Клауса Гюнтера, коммуникативная власть зависит от мотивов, но не зависит от конкретных видов мотивов; она связана только с особенностями процедур, которые формируют эти мотивы [Habermas, 1996, p. 235]. Фокус размышлений о народном суверенитете и легитимности, таким образом, смещается с исследования мыслей, действий и установок людей на то, как проходит демократический процесс в целом, и становится процедурой при помощи власти, приобретаемой общественным дискурсом [Flynn, 2004, p. 486].

Такая переориентация проблемы, уход одновременно и от полностью этического понимания политического действия, и от перевода разговора в прагматическую плоскость понимания политики как рационального торга, позволит нам обсуждать значение массовых митингов как серьезный самостоятельный вопрос, вне их тактической (не) результативности. Если мы признаем процедурную сторону демократической политики ценностью, то источником ее должен быть назван некий общественный спрос на консенсус – в первую очередь, и это важнее, чем административно заданные демократические возможности.

Далее, переходя от теории в практическую плоскость, нужно понять, как же перевести общественный спрос на консенсус в более четкие, измеряемые категории, т.е. операционализировать его, представив в виде суммы индикаторов возможной поддержки общественных движений (в том числе, оппозиционных форматов, настроенных на конструктивный диалог). В более общем виде это позволит судить о возможности расширения платформы демократии участия и принципов совещательности в России.

Практика демократического процесса: Пять признаков наличия совещательного потенциала в обществе

Голландские ученые Мартин Хайек и Хендрик Вагенаар, разбирая делиберативную модель демократии, сформулировали исходные условия, при которых эта модель реализуется, характеризуя их как пять вызовов для политического аналитика, с которыми с неко-

того времени необходимо иметь дело для успешной интерпретации происходящего в обществе [Deliberative policy analysis, 2003, p. 17]. Появление этих вызовов связано с методологической платформой, с которой они оценивают общество и которая делает важным признание в политике речи таких механизмов, как интерпретационная работа, практическая ориентированность деятельности и совещательность в принятии решений. Авторы опираются на такие имена, как Э. Гидденс, М. Кастельс, Э. Бек, для того, чтобы показать идею, близкую и Хабермасу, – в современном обществе произошли впечатляющие структурные изменения, потребовавшие и новых типов (политических) отношений.

В чем заключаются эти изменения и можно ли описать их важность с помощью идей жизненного мира и коммуникативной рациональности? Так, необходимость совместной интерпретативной работы определяется тем, что объекты реального (да и социального) мира не наделены ценностным содержанием сами по себе, вне мыслительных усилий, прикладываемых людьми. Язык играет роль не столько «зеркала реальности», сколько ее конструктора. Практическая ориентированность заключается не в инструментальном характере деятельности, а в том, что знания и инновации могут распространяться в нем не только «сверху вниз», от интеллектуалов, людей книжной культуры, в массы, становясь из теоретических схем событиями практики. Напротив, они зарождаются внутри общества, позволяя преодолеть разрыв между теоретической рациональностью науки и практической рациональностью реальных функционеров. Наконец, задача совещательности в том, чтобы конкретные нужды общества в каждый момент времени и в каждой точке пространства поддавались фиксации, а значит, уменьшается возможность общественного конфликта из-за того или иного решения, в выработке которого та или иная часть общества не принимала участия и которым она не удовлетворена [Deliberative policy analysis, 2003, p. 19–22]. Это описание дает возможность признать, что уход от жесткой детерминированности структур и акцент на учет тенденций стали неким признанным фактом для ведущих социальных исследователей, и позиция Хабермаса тут не носит выдающийся характер.

На этой общей концептуальной основе исследователи более подробно разрабатывают такие признаки совещательного политического дискурса, которые могут быть обнаружены в реальности.

Этих признаков пять: 1) появление новых возможностей политического действия; 2) радикальная неопределенность, под влиянием которой находятся политический курс и принятие политических решений; 3) высокая значимость (неполитических) различий для понимания политического; 4) осознание взаимозависимости разнородных общественных групп и проблем; 5) возрастающая связь процесса принятия политических решений с динамикой доверия политическим институтам и динамикой идентичности. Ниже мы рассмотрим их подробнее.

1. Появление новых возможностей политического действия вызвано тем, что власть в современном демократическом государстве теряет свой прежний формат закрытой вертикали, институционализированной и унифицированной. Возможности доступа к управлению, не только в форме голосования, приобретает все больше людей, что позволяет говорить о появлении массового слоя, для которого политика является частью повседневной жизни. В совещательной демократической практике граждане и общественный сектор присутствуют не как среда, в которой (или даже – в интересах которой) действуют государственные служащие. Напротив, они участвуют в этой работе как активный субъект, заинтересованный в долгосрочном сотрудничестве. Они способны оказывать влияние на процедуры и решения, которые в противном случае носили бы бюрократический и закрытый характер; в частности, это позволяет использовать механизмы новых СМИ [Deliberative policy analysis, 2003, p. 8–11].

В условиях совещательной демократии возможно даже снижение популярности традиционных форм политического участия. Но это не значит, что общество становится аполитичным, речь идет о том, что меняется структура вовлеченности граждан в политическую деятельность. Общество в целом, в повседневной жизни граждан, становится более «политизированным». Появление новых сегментов политического влияет не только на содержание политического процесса, но и на изменение его правил и норм. Помимо традиционных форм политического участия граждане начинают оценивать и другие формы своей деятельности, взаимодействия с другими группами, те или иные формы общественной активности и самоидентификации, как имеющие политический смысл.

Создавая индикаторы для оценки востребованности новых политических возможностей, доступных широкому кругу людей,

аналитик должен говорить о частоте и систематичности политических действий, охватывающих широкие, самые разные слои общества. Участие в митингах, демонстрациях, акциях в поддержку активистов оказывается ближе к отрицательному рубежу (нейтральной оценке) активности, представляя корпус традиционных и ситуационных моделей участия. Если по итогам действия отсутствует немедленный заметный эффект «чрезвычайного» характера, уровень участия может существенно упасть. Под чрезвычайным эффектом мы понимаем действия так называемого «ручного управления» первых лиц, столь популярные в российской управленческой практике, в виде прямых реакций законодателей и высших государственных чиновников, введение новых законопроектов, изменение правил предоставления услуг и т.п. Комплексные меры по реформированию системы в целом не могут быть проведены «в пожарном порядке», реактивным образом; режим чрезвычайных ситуаций позволяет, постоянно «латая дыры», избегать капитального ремонта системы.

2. Одной из новых норм политического участия становится радикальная неопределенность, характеризующая политический курс и принятие политических решений. Присущие традиционному бюрократическому государству (даже в демократических его версиях, причем в форме не только либеральной, но и социальной демократии) долговременное рациональное планирование, централизация, иерархическое регулирование в качестве управленческих решений утрачивают долю эффективности. В новых условиях открытости и неопределенности политический деятель уже не может в одиночку и безусловно формировать политическое пространство, оно теряет «жесткость», становится принципиально неопределенным. На первый план выдвигается общество – как активная и самообучающаяся система, которая оказывает влияние на формирование и реализацию политической стратегии [Deliberative policy analysis, 2003, p. 14–15].

Для того чтобы публичные потребности общества могли быть учтены, они должны быть артикулированы. С этим кажущимся парадоксом можно связать построение индикаторов для оценки такого аспекта совещательного потенциала общества, как неопределенность. Именно проговоренность, публичная артикулированность целого ряда «больших» социальных и политических тем в публичных дебатах дают возможность вырастить сети ло-

кальных (районных, городских) сетей коммуникации и солидарности, что, в свою очередь, способствует формированию общедоступного корпуса политических очевидностей. В этом смысле политическая неопределенность различается от неопределенности уличной, которая может достигать заметных высот, но не приводит к заметным изменениям системы¹. Политическая неопределенность, напротив, сочетается с наличием рационального коммуникативного консенсуса, с которым приходится иметь дело государственной машине, заинтересованной в легитимации. При наличии такого общего поля коммуникации о публичном, даже в случае присоединения к традиционным формам участия, смысл их для гражданина проявляется не в сам момент действия, а до его начала.

3. Для понимания новой общественной системы важно, что внутри нее возрастет роль различий, значимых для политики. С усложнением комплексности общества проблемы, которые раньше можно было рассматривать в качестве узкокультурных (языковые, национальные, этнические, различия жизненных укладов), переходят на политический уровень. Современные государства все менее гомогенны по национальному, языковому, культурному составу, что приводит к важности проблематики их сосуществования в одном социальном и политическом пространстве [Deliberative policy analysis, 2003, p. 15–16].

Речь может идти в прямом смысле о необходимости находить общий язык для разных этнических групп граждан, а так же о ментальном разнообразии представлений о мире, в том числе – мире политического, у разных групп. При этом неполитические идентичности, к которым традиционная демократия нечувствительна (принцип равенства гражданских прав), могут заявить свою претензию на некие, политически зафиксированные преференции, именно как группа. Это касается не только возрастания числа проблем и их большей комплексности, но и числа групп, заинтересованных в разных вариантах решения этих проблем, что переносится из локальной межгрупповой коммуникации в общественную (публичную сферу).

¹ О содержательно близких вещах рассуждает Александр Бикбов, посвятивший несколько работ методологии исследования уличного активизма [Бикбов, 2012, с. 137–138].

Культурное разнообразие проблем толерантности, конечно же, не является новым предметом, но важно именно то, что теперь реализация политических решений требует учета этих различий, а затем и «перевода» политической лексики в разные, доступные разным группам, форматы. Здесь индикаторами появления совещательности и коммуникации могут служить количество и частота запросов от неполитических групп на то, чтобы делать заявления и производить действия политического толка, в политическом поле. В качестве примеров можно привести претензии религиозных активистов к гражданским, включение диаспоральных лидеров в государственные консультативные советы, политические заявления культурных авторитетов, имеющие целью оппозиционное политическое действие, и пр.

4. Обратной стороной этой тенденции и ее необходимым дополнением является повышающееся понимание взаимозависимости групп и проблем внутри политической системы. Это как бы вновь «скрепляет» пространство, которое усилившееся понимание различий делает гетерогенным. Люди осознают, что, несмотря на различия, они должны делить одну и ту же территорию, что они одинаково страдают от одних и тех же социальных, экономических, национальных, природных и других проблем, которые невозможно решить отдельно в каждой группе. Роль этого фактора лишь увеличивается, когда легитимность государственной власти снижается: важность коммуникации и взаимодействия повышается пропорционально этому снижению [Deliberative policy analysis, 2003, p. 16]¹.

При этом важно, что речь идет не об уличной спонтанной и ситуативной солидарности, а о пространстве совместного действия, в котором каждая участвующая сторона уверена в долгосрочности и искренности намерений других сторон². Понимание императива взаимосвязи для решения проблемы также не было необходимым при реализации управленческого процесса через го-

¹ Сравни с идеей Ханны Арендт о «сообществах действия», способных самостоятельно достичь приемлемого для всех определения проблемы и способов ее решения [Арендт, 2000].

² Заметим, что исследователи такой формы уличной активности, как правительственные митинги 2012 г., отмечали у участников большой потенциал недоверия друг к другу [Касама, Сорокина, 2012].

сударственную вертикаль. Именно появление новых местных, локальных связей, более крепких, чем ситуационное эмоциональное единение, может создать потенциал для выработки компромисса, приемлемого для принципиально различных групп граждан.

5. Наконец, когда мы говорим о связи принятия политических решений с динамикой доверия политическим институтам и динамикой идентичности, речь идет о изменении самой природы легитимности государственного устройства. Голландские исследователи отмечают рост новых форм государственной легитимности в Европе после Второй мировой войны. Если до этого властная легитимность и общественная идентичность поддерживались ритуалами и традициями (в частности, ритуалами и традициями доверия правящим домам), то изменение политической карты мира, смена режимов и массовизация СМИ сделали этот механизм менее действенным [Deliberative policy analysis, 2003, p. 16–18].

В России, размышляя о том, как можно операционализировать новую демократическую легитимность, мы, скорее, должны обратиться к возникновению автономной общественной повестки, связанной с политикой. Мы возвращаемся к тому, что, помимо аномально высокого доверия отдельным государственным институтам (в первую очередь, лично президенту), политический класс должен сформулировать собственное понимание того, как «должно» действовать государство в интересах граждан и чем в этих действиях ограничиваться, оставляя гражданам возможности для конфликтного обсуждения и последующего компромисса как собственного решения. Некоторый подход к этой проблеме предложен в эмпирическом исследовании, построенном на идее разделения гражданской и политической сфер, первая из которых является пространством согласия и государственного управления, а вторая – политического конфликта и консенсуса [Гражданское и политическое в российских общественных практиках, 2013, с. 354–458].

Таковы в целом пять направлений, дающих возможность перевода концептуальной рамки, связанной с совещательной демократией и коммуникативной рациональностью, в продуктивный задел для оценки нынешней российской эмпирики. Будучи первым шагом аналитической работы, он, конечно, предполагает в дальнейшем гораздо более существенный эмпирический вход в тему – для того, чтобы можно было конкретно оценить значимость присутствия в этой эмпирике тех тенденций, которые дадут

возможность говорить о готовности российского общества к рациональной коммуникации, о политике, позволяющей менять контуры последней.

Список литературы

- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 448 с.
- Беляев А.Б.* Социально-философская концепция Ю. Хабермаса: восприятие в российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2001. – Т. 4, № 3. – С. 189–194.
- Бикбов А.* Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. – СПб., 2012. – № 2. – С. 130–163.
- Быкова В.* К исследованию трансформации протестного потенциала в России в эффективную политическую коммуникацию: препринт / Высшая школа экономики. – М., 2013. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/preprints/116677123> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- В ходе акции на Манежной площади задержали более 400 человек // РБК. – 2014. – 24 февраля. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/24/02/2014/906972.shtml> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Ворожейкина Т.Е.* Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro&Contra. – М., 2008. – № 2–3. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2008/2-3/ProEtContra_2008_12_2-3_all.pdf (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 525 с.
- Касама В., Сорокина А.* Российские студенты: взгляды на протестную активность и гражданское общество // Россия и Германия. Общество и государство: исторический опыт взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 309–332.
- Муфф Ш.* К антагонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.
- Новое путинское большинство. Критичное, прагматичное, равнодушное, патристичное: Аналитический доклад // ТАСС-аналитика. – М., 2014. – 16 июля. – Режим доступа: <http://tass-analytics.com/reports/novoe-putinskoe-bolshinstvo> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Одиночные пикеты в поддержку «узников 6 мая» не покрыли центр Москвы // Каспаров.Ру. – 2013. – 05 июня. – Режим доступа: http://www.kasparov.ru/material.php?id=51AF72B066E76§ion_id=43452BF16C997 (Дата посещения: 1.09.2014.) [на момент составления номера ресурс заблокирован на территории РФ].
- Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. – М.: Весь мир, 2012. – 160 с.
- Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – 176 с.

- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
- Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории. – М.: Наука, 2001. – 417 с.
- Хабермас Ю.* Между натурализмом и религией. Философские статьи. – М.: Весь мир, 2011. – 336 с.
- Хабермас Ю.* Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.
- Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.
- Хабермас Ю.* Расколоченный Запад. – М.: Весь мир, 2008. – 192 с.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.
- Deliberative policy analysis. Understanding governance in the network society / M.A. Hajer, H. Wagenaar (eds.). – Cambridge univ. press, 2003. – xv, 307 p.
- Deseris M., Dean J.* A Movement without demands? – Mode of access: <http://www.possible-futures.org/2012/01/03/a-movement-without-demands/> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Flynn J.* Communicative power in Habermas's theory of democracy // European journal of political theory. – L., 2004. – Vol. 3, N 4. – P. 433–454.
- Guenther K.* Communicative freedom, communicative power, and jurisgenesis // Habermas on law and democracy: Critical exchanges / M. Rosenfeld, A. Arato (eds.). – Berkeley: Univ. of California press, 1998. – P. 234–254.
- Habermas J.* Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy. – Cambridge: MIT Press, 1996. – xliii, 631 p.
- Habermas J.* Popular sovereignty as procedure // Contributions to a discourse theory of law and democracy. – Cambridge: MIT Press, 1996. – P. 463–490.
- Kirkup J.* Occupy protesters were right, says Bank of England official // The Telegraph. – L., 2012. – November 29. – Mode of access: – <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/banksandfinance/9641806/Occupy-protesters-were-right-says-Bank-of-England-official.html> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Miller J.* Will extremists hijack Occupy Wall Street? // The New York Times. – N.Y., NY, 2011. – October 25. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2011/10/26/opinion/will-extremists-hijack-occupy-wall-street.html?_r=0 (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Parkinson J.* Deliberating in the real world. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – 220 p.
- Political Theory. – Thousand Oaks, CA, 2012. – Vol. 40, N 6: Special Feature: 50 th Anniversary Symposium on the Structural Transformation of the Public Sphere by Jürgen Habermas. – P. 683–856.
- Sharlet J.* Inside Occupy Wall Street. How a bunch of anarchists and radicals with nothing but sleeping bags launched a nationwide movement. – Mode of access: <http://www.rollingstone.com/politics/news/occupy-wall-street-welcome-to-the-occupation-20111110> (Дата посещения: 1.09.2014.)
- Stiglitz J.* Of the 1%, by the 1%, for the 1% // Vanity Fair. – N.Y., NY, 2011. – May. – Mode of access: [://www.vanityfair.com/society/features/2011/05/top-one-percent-201105](http://www.vanityfair.com/society/features/2011/05/top-one-percent-201105) (Дата посещения: 1.09.2014.)

The Occupy map of the world // The Guardian. – L., 2012. – September 17. – Mode of access: [//www.theguardian.com/news/datablog/interactive/2012/sep/17/occupy-map-of-the-world](http://www.theguardian.com/news/datablog/interactive/2012/sep/17/occupy-map-of-the-world) (Дата посещения: 1.09.2014.)

Wilson S. City council unanimously passes Occupy L.A. resolution // LA Weekly. – L.A., CA, 2011. – December 10. – Режим доступа: http://blogs.laweekly.com/informer/2011/10/city_council_passes_occupy_la_resolution_democrats_unions.php (Дата посещения: 1.09.2014.)